

УДК 821.161.1.09"20"

ББК 83.3(2)6,48

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОЧТЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ: СМЫСЛ НАЗВАНИЯ ПОВЕСТИ М.А. БУЛГАКОВА «СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ»

Андрей Юрьевич Фомин

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка, литературы и журналистики,
Московский государственный гуманитарно-экономический университет
Gracchus58@bk.ru
ул. Лосиноостровская, 49, 107150 г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется смысл названия повести М.А. Булгакова «Собаچه сердце» в контексте идейных поисков эпохи. Автор доказывает, что произведение писателя имеет не столько научно-фантастическое, сколько полемическое содержание, являясь социально-философской сатирой на попытки усовершенствования природы человека как такового и опираясь при этом на давнюю традицию русской и мировой литературы.

Ключевые слова: М.А. Булгаков, русская советская литература 1920-х гг., научная фантастика, евгеника, социально-философская сатира, С.А. Есенин.

Повесть М.А. Булгакова «Собаچه сердце» давно стала своеобразной визитной карточкой «перестроечной» литературы. Стараниями многих именитых булгаковедов (напр., М.О. Чудаковой, Б.В. Соколова) это произведение обрело устойчивую репутацию злой пародии на Советскую власть, на советский образ жизни и на саму личность советского человека: попытка превратить животное в полноценного «члена социального общества», как говорит профессор Преображенский, оканчивается оглушительным крахом. В известной экранизации данный вывод усиливается и многозначительными намеками на «службу в очистке», и своеобразным гардеробом актеров (кожаные куртки и пальто), и стилизованными кадрами отлова невинных кошек, а также единодушного одобрения «широкими массами трудящихся» своеобразного выступления т. Шарикова: тут даже слепому станет ясно, какие типы стояли за грядущими процессами, какие ужасы пришлось пережить интел-

лигентным людям в 1937-м и как угробили процветавшую страну «дети Шарикова» – словом, полный набор идеологических штампов конца 1980 – начала 1990-х гг. Так ли это на самом деле?

Прежде всего, следует отметить, что проблематика повести не сводится к очередной сатире на новый политический строй, хотя фантастичность булгаковских произведений вполне соответствовала фантастичности исторических событий. Профессор Преображенский занимается евгеникой, то есть стремится улучшить человека как биологический вид. Но для чего? И здесь необходимо сделать важное отступление.

Несовершенство физической природы человека подмечено очень давно: еще Плиний Старший отмечал недостаточную остроту его чувств, физическую слабость, невысокую выносливость: «Животные располагают природными умениями: одни быстро бегают, другие высоко летают, третьи плавают

в воде; человек ничего не умеет, пока с трудом не выучится, – ни говорить, ни ходить, ни добывать себе пищу, ничего, ничего ему не дано само собою, кроме плача. Поэтому многие думали, что лучше бы человеку не родиться или по крайней мере кончать свое существование как можно скорее» [8]. О несовершенстве морального облика человека говорить вообще не приходится: только человеку свойственны такие качества, как осознанная жестокость, алчность, карьеризм. «Человеку одному только и дано печалиться об умершем, человеку одному дана склонность к роскоши, и притом на бесчисленное множество способов и для всех частей своего тела. Ему одному даны честолубие, корыстолюбие, ему одному – непомерная жажда жизни и суеверие. Ему одному свойственны хлопоты о погребении умерших и забота о том, что будет после смерти. Ни у кого нет более хрупкой жизни, ни у кого таких безграничных страстей, таких влечений, такого безумного распада чувств. Наконец, другие живые существа добропорядочно обходятся с подобными себе, соединяются вместе и враждуют с непохожими на них видами: свирепые львы не бросаются друг на друга, змеи не угрожают змеям своими укусами, морские звери и рыбы хватают только особей других видов; а вот, воистину, человеку, больше всего зла доставляется от человека» [8]. В отличие от животного, только человек может осознанно совершить предательство.

...Лишь на то, чтоб с громом провалиться,

Годна вся эта дрянь, что на земле живет.

Не лучше ль было б им уж вовсе не родиться! –

делает безжалостно логичный вывод Мефистофель в «Фаусте» [4, с. 48]. Эту точку зрения на протяжении веков разделяли очень и очень многие. И не без основания: слишком убедительны (и страшны) были порой ежедневные примеры.

Разумеется, подобные несовершенства предполагали желательность их исправления, и рецептов для создания человека будущего, равно как и путей усовершенствования человека нынешнего, открыто немало. При этом можно было бы выделить два направления

поисков, две установки: одна исходит из того, что человек – это микрокосм в макрокосме, вселенная, проникнуть в которую извне не представляется возможным, а следовательно, и что бы то ни было изменить в ней. Человек есть то, что он есть, его природа – неразрывное единство достоинств и недостатков, высокого и низменного – была, есть и будет неизменной, поэтому возможные изменения могут произойти лишь в результате его *личного* участия, *личного* усилия к моральному совершенствованию. Это – давний путь религиозного, духовно-нравственного понимания и интерпретирования человеческой личности: она – образ и подобие Божие, приблизиться к идеалу она может, но совпасть с ним – нет. Другой подход явился в определенной мере следствием развития производительных сил общества и связанного с ними научного знания. Наука объективна, лишена личностных aberrаций, она оперирует лишь доказанными фактами и подсказывает наиболее эффективные средства и методы воздействия на те или иные объекты. В этом плане она не только дает наиболее верное представление о человеке как таковом, но и обладает наиболее действенными средствами для его совершенствования. Поэтому будущее человечества связано прежде всего с научным знанием. Правда, наука не оперирует такими расплывчатыми и неопределенными понятиями, как совесть, гуманность, сострадание, жалость, однако и последние, при некоторых интеллектуальных усилиях, вполне можно интерпретировать количественно, позитивно (напр., известная теория «разумного эгоизма», популярная в среде отечественной демократической интеллигенции в середине XIX в.). С другой стороны, все большая усложненность орудий труда и технологий вынуждает людей кооперироваться, заставляет помимо их воли жить по законам коллективистской морали, предъявляет повышенные требования к нравственному содержанию личности: эгоист, проходимец, лентяй или ординарный дурак просто не смогут существовать в этом прекрасном, сложном и именно поэтому – высокодуховном мире (подобная концепция в упрощенном виде возродится в СССР в начале 1960-х – 1970-х гг. в творчестве братьев Стругацких).

Заметим попутно, что подобный апофеоз науки, «позитивного знания» был присущ самым неожиданным в этом плане произведениям: так, мало кто обращает внимание, что всемирно известный герой А. Конан Дойля – прежде всего не сыщик, а ученый. В этой связи разъяснение Шерлоком Холмсом сути своего дедуктивного метода – настоящий гимн логическому, научному познанию, позволяющему раскрыть любую кажущуюся на первый взгляд неразрешимой загадку: «По одной капле воды человек, умеющий мыслить логически, может сделать вывод о возможности существования Атлантического океана или Ниагарского водопада, даже если он не видел ни того, ни другого и никогда о них не знал. Всякая жизнь – это огромная цепь причин и следствий, и природу ее мы можем познать по одному звену... Прежде чем обратиться к моральным и интеллектуальным сторонам дела, которые представляют собою наибольшие трудности, пусть исследователь начнет с решения более простых задач...» [7, с. 49].

Таким образом, прекрасный будущий мир – это мир торжества науки, мир, где расстояние от идеи до ее воплощения – минимально; это мир, населенный добрыми, чуткими, интеллектуально и нравственно совершенными тружениками. Именно таковым виделось грядущее «царство труда» весьма многим отнюдь не глупым современникам М.А. Булгакова, например В.В. Маяковскому или А.П. Платонову (антигерои «Клопа» и «Бани» комичны именно своим нравственным атавизмом, духовным убожеством, диссонирующим с великолепными техническими достижениями будущего; в произведениях А.П. Платонова машина становится столь же одухотворенным существом, как и человек, ибо она есть практическое воплощение человеческой мечты, лишённое при этом характерных человеческих слабостей: злобы, зависти, слабости физической и духовной, а потому она в чем-то лучше нынешнего человека, и он должен в определенном смысле подняться до уровня механизма). Преимущество нового общественного строя именно в том и заключается, что он создает условия для полного раскрытия всего гуманистического (то есть истинного) потенциала научного изобретения или открытия, не позволяя сделать его орудием наживы или средством

реализации личностных амбиций – такова авторская идея наиболее известных и популярных произведений известного писателя-фантаста 1920–30-х гг. А.Р. Беляева («Человек-амфибия», «Вечный хлеб», «Продавец воздуха», «Ариэль» и др.). Кульминация романа «Человек-амфибия» – речь доктора Сальватора на суде: «...Я опасался, что мое изобретение в условиях нашего общественного строя принесет больше вреда, чем пользы. Вокруг Ихтиандра уже завязалась борьба. Кто донес на меня из мести? Вот этот Зурита, укравший у меня Ихтиандра. А у Зурита Ихтиандра отняли бы, чего доброго, генералы и адмиралы, чтобы заставить человека-амфибию топить военные корабли. Нет, я не мог Ихтиандра и «ихтиандров» сделать общим достоянием в стране, где борьба и алчность обращают высочайшие открытия в зло, увеличивая сумму человеческого страдания...» [1, с. 169].

Но были и другие мнения.

Так, в свое время Л.Н. Толстой, полемизируя со сторонниками «прогресса», спрашивал: в чем величие науки, если даже избавить человечество от голода она не в состоянии? Ф.М. Достоевский ужасался плоской элементарности научного знания и возможности с его помощью вполне логично оправдать любое зло. Жизнь доказывает, что внутренний мир человека намного сложнее всех научных теорий. «Все у них (сторонников прогресса – А.Ф.) потому, что «среда заела», – и ничего больше!.. Отсюда прямо, что если общество устроить нормально, то разом и все преступления исчезнут, так как не для чего будет протестовать и все в мире станут праведными. Натура не берется в расчет, натура изгоняется, природы не полагается! С одной логикой нельзя через природу перескочить! Логика предугадает один случай, а их миллион!..» [5, с. 167]. Герой чеховской «Палаты № 6» перечитывает медицинские журналы и восторгается новейшими достижениями науки, а буквально рядом с ним – физическая и нравственная грязь, первобытные грубость, хамство, жестокость, алчность. Г. Уэллс поставил вопрос о роковом несовпадении нравственного и технического развития человечества, о том, что *наука далеко не все может* – даже в обозримой перспективе («Остров доктора Моро», «Человек-невидимка», «Человек, ко-

торый мог творить чудеса» и мн. др.). Вот эта когнитивная линия нашла свое продолжение также и в молодой советской литературе.

Е. Замятин утверждает: мир, построенный на законах математической, то есть абсолютной, гармонии невозможен, ибо противоречит самой природе человека (роман «Мы»). М. Зощенко с горечью констатирует: какие перспективы развития ни открывай перед человеком, все равно его тянет вниз, к «ветхому Адаму», в болото мещанской духовной дикости и бескультурия (сатирические рассказы). И вины Советской власти здесь нет, просто все это – неотъемлемые и неизменяемые свойства общечеловеческой природы. Сомнения в возможности духовного изменения человека отнюдь не чужды ни Л.М. Леонову, ни К.Г. Паустовскому. В русле этого понимания человека развивается и творчество М.А. Булгакова [см: 9, с. 223–226].

Как известно, повесть названа «Собачье сердце». Но – кому принадлежит это сердце? Парадокс как раз в том, что кадавр, созданный профессором Преображенским, – существо *без сердца*. И в прямом, и в переносном смысле. В надежде создать нового, совершенного человека («Скальпель хирурга вызвал к жизни новую человеческую единицу!...» [2, с. 391]) Филипп Филиппович и его верный ассистент пересадили собаке *гипофиз* Клима Чугункина – и произошло полное очеловечивание: «...Две судимости, алкоголизм, “все поделить”, шапка и два червонца пропали... хам и свинья», – подводит итог профессор [2, с. 422]. Результат, прямо скажем, оказался неожиданным: вместо «сколь-ко-нибудь приемлемого члена социального общества» – свинья. Почему же блестяще проведенный эксперимент кончился неудачей? Неужели опять во всем виновата Советская власть, давшая дорогу таким вот хаммам и проходимцам? Ответ без труда можно найти в самой повести в диалоге Преображенского и Борменталья:

– ...Еще бы! Человек с собачьим сердцем!

– О, нет, о, нет... вы, доктор, делаете крупнейшую ошибку, ради Бога, не клеветайте на пса. Коты – это временно. Это вопрос дисциплины и двух-трех недель. Уверяю вас. Еще какой-нибудь месяц, и он перестанет на них кидаться.

– А почему же теперь?..

– Иван Арнольдович, это элементарно... Да ведь гипофиз не повиснет же в воздухе. Ведь он же все-таки привит на собачий мозг, дайте же ему прижиться. *Сейчас Шариков проявляет уже только остатки собачьего*, и поймите, что коты – это лучшее из всего, что он делает. Сообразите, что что *весь ужас в том, что у него уже не собачье, а именно человеческое сердце* (курсив наш – А.Ф.). И самое паршивое из всех, которое существует в природе [2, с. 423].

Но почему же повесть названа все-таки «Собачье сердце», если речь в ней идет о существе с сердцем вполне человеческим? Думается, это своего рода метафора, точно и однозначно обрисовывающая авторский эстетический идеал, но – от противного. Собачье сердце – это сердце любого нормального живого существа: оно хочет тепла и уюта, оно хочет любить и быть любимым, оно страдает от голода и холода, мучается от одиночества, переживает; оно заставляет рефлексировать, оно способно толкнуть и на самые прозаические, и на самые возвышенные поступки. В ощущениях Шарика (начало и конец повести) больше человеческого, нежели в монологах Шарикова (точнее, они вполне человечески, в отличие от монологов Полиграфа Полиграфыча): холодно, голодно, хоть бы пожалел кто... «Рабская наша душа, подлая доля!... Видно, помирать-то еще рано, а отчаяние и подлинно грех? Руки ему лизать, больше ничего не остается...» [2, с. 350–351]. «Так свезло мне, так свезло... просто неопишимо свезло. Утвердился я в этой квартире... Утвердился. Правда, голову всю исполосовали зачем-то, но это заживет до свадьбы. Нам на это нечего смотреть» [2, с. 435–436]. Собачье сердце – вспыльчивое и доброе – у Филиппа Филипповича Преображенского («...Голубчик, я иногда на вас ору на операциях. Уж простите стариковскую вспыльчивость. В сущности, ведь я так одинок...» [2, с. 418–419]), отказывающегося предать своего пылкого молодого коллегу:

– ...Филипп Филиппович, вы – величина мирового значения... Да разве они могут вас тронуть, помилуйте!

– Тем более не пойду на это...

– Да почему?!

– Потому что вы-то ведь не величина мирового значения?

– Где уж...

– Ну вот-с. А бросить коллегу в случае катастрофы, самому же выскочить на мировом значении, простите... Я московский студент, а не Шариков! [2, с. 420].

Немногим ранее выясняется, что Филипп Филиппович в свое время приютил при кафедре полуголодного студента Борменталья – в принципе, напрашиваются аналогии с историей Шарика.

Собачьим сердцем наделен и Иван Арнольдович Борменталь, бескорыстно преданный своему учителю и готовый пойти на преступление, чтобы спасти его от чудовища, поселившегося в мирной профессорской квартире. Словом, собачье сердце – это сердце человеческое. При этом любопытно отметить наличие аналогичной метафоры (с совершенно аналогичным гуманистическим значением) у современника М.А. Булгакова – С.А. Есенина:

*Слушай, поганое сердце,
Сердце собачье мое.
Я на тебя, как на вора,
Спрятал в руках лезвие.
Рано ли, поздно всажу я
В ребра холодную сталь.
Нет, не могу я стремиться
В вечную сгнившую даль.
Пусть поглупее болтают,
Что их загрызла мета;
Если и есть что на свете –*

Это одна пустота (3 июля 1916) (рядка наша – А.Ф.) [6; с. 220].

Простое совпадение? Или же пути С.А. Есенина и М.А. Булгакова как-то пересекались? Правда, булгаковская повесть написана в январе – марте 1925 г., а приведенные стихи обнародованы в 1926 г. в сборнике «Есенин. Жизнь. Личность. Творчество» (М., 1926) [5, с. 303]. Но вполне можно допустить и печатное знакомство М.А. Булгакова с есенинской поэзией, и как следствие – тождество художественной образности. Во всяком случае, по нашему мнению, тема «Булгаков и Есенин» еще ждет своего исследователя.

В плане сюжета все научно-фантастические повести М.А. Булгакова (и «Собачье сердце», и «Роковые яйца») традиционны: творе-

ние выходит из-под власти своего создателя, последствия – катастрофичны. Однако, несомненно, «Роковые яйца» более соответствуют, если можно так сказать, «чистой» научной фантастике, в то время как «Собачье сердце» несет на себе явный отпечаток социально-философской сатиры: комичен ведь не столько сам Шариков, гоняющийся за котами, – комично само представление о том, что можно опередить и превзойти природу и искусственно создать нечто более совершенное, нежели уже созданное: «Можно привить гипофиз Спинозы или еще какого-нибудь такого лешего и соорудить из собаки чрезвычайно высоко стоящее, но на какого дьявола, спрашивается? Объясните мне, пожалуйста, зачем нужно искусственно формировать Спиноз, когда любая баба может его родить когда угодно!.. Доктор, человечество само заботится об этом и, в эволюционном порядке каждый год упорно выделяя из массы всякой мрази, создает десятками (выделено нами – А.Ф.) выдающихся гениев, украшающих земной шар...» [2, с. 421]. Гении – не такая уж редкость. Если просто повнимательнее посмотреть вокруг.

Разумеется, повести присущ и откровенный социальный комизм, принимающий формы фантастики: фантастично, что профессор Преображенский в период жесточайшего жилищного кризиса живет и работает в квартире, состоящей из семи комнат; невероятно, как в один миг решается вопрос с «жилтоварищами»; совершенно поразителен вполне буржуазный образ жизни знаменитого профессора в государстве победившего пролетариата. И здесь М.А. Булгаков, возможно, обращается к тем «фантастическим» чертам советского быта 1920–начала 30-х гг., которые впоследствии так поразят умного, злого и много испытавшего на собственном опыте повествователя «Театрального романа», окунувшегося в писательскую и актерскую среду тех лет: и шикарные застолья, и поездки в Париж, и творческая лаборатория некоторых писателей, и театральные интриги, и квартира Ивана Васильевича, и монолог последнего, обращенный к человеку, знавшему, что такое настоящий голод: «Ермолай Иванович (буфетчик – А.Ф.), впрочем... гм... гм... маг. В самое отчаянное время он весь театр поголовно осетриной спас от голоду! Иначе все бы погибли до единого

человека...» [3, с. 278]. Не потому ли окончился провалом блестящий эксперимент Филиппа Филипповича, что научное знание о жизни и практика самой жизни – очень и очень разные вещи?

Подведем некоторые итоги. Во-первых, повесть М.А. Булгакова «Собачье сердце» является сатирическим произведением с научно-фантастическим сюжетом. Во-вторых, объект сатиры писателя – не сам по себе новый общественный строй, а представление о человеке, соответствующем этому строю, точнее – о возможности в новых условиях изменить саму человеческую природу. На основании этого данное произведение было бы логично классифицировать как социально-философскую сатиру.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беляев, А.Р. Избранные научно-фантастические произведения. В 2 томах. Т. 1 / А.Р. Беляев. – Киев : Радянський письменник, 1959. – 580 с.

2. Булгаков, М.А. Избранные произведения. В 3 томах. Т. 1 / М.А. Булгаков – М.: «Наташа», «Литература», «Алгоритм», 1996. – 688 с.

3. Булгаков, М. А. Избранные произведения. В 3 томах. Т. 2 / М. А. Булгаков – М.: «Наташа», «Литература», «Алгоритм», 1996. – 696 с.

4. Гете, И. В. Фауст: Трагедия. Пер. с нем. Н. Холодковского / И. В. Гете. – Орджоникидзе : ИР, 1979. – 304 с.

5. Достоевский, Ф. М. Преступление и наказание / Ф. М. Достоевский. – Алма-Ата : Мектеп, 1981. – 358 с.

6. Есенин, С. А. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 4 / С. А. Есенин ; под общ. ред. В. Г. Базанова, А. А. Есениной [и др.]. – М. : Художественная литература, 1978. – 317 с.

7. Конан Дойль, А. Собрание сочинений. В 8 томах. Т. 1 / А. Конан Дойль – М. : Правда, 1966. – 548 с.

8. Плиний Старший. Естественная история. Кн. VII. Человек / Плиний Старший. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://annales.info/ant_lit/plinius/07.htm#004.

9. Фомин, А. Ю. Тема искусства в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», или Почему все случилось так, как и было сказано / А. Ю. Фомин // Русская литература в православном контексте. Материалы VI Международных Свято-Игнатиевских чтений. Ставропольская православная духовная семинария. – Ставрополь : Издательский центр СтПДС; Дизайн-студия Б, 2014. – С. 210–232.

PHILOSOPHICAL ASPECTS OF THE READING OF THE NOVEL: THE MEANING OF THE NAME OF THE STORY «HEART OF A DOG» BY M.A. BULGAKOV

Andrey Yurievich Fomin

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of Russian Language, Literature and Journalism,
Moscow State Humanitarian-Economic University
Gracchus58@bk.ru
St. Losinoostrovskaya, 49, 107150 Moscow, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the meaning of the name novel of M.A. Bulgakov “the Dog heart” in the context of the ideological quest of the era. The author argues that the work of the writer has not so much sci-Fi, how much polemical content, as a socio-philosophical satire on attempts to improve human nature as such, and drawing on a long tradition of Russian and world literature.

Key words: M.A. Bulgakov, Russian Soviet literature of the 1920s, science fiction, eugenics, social and philosophical satire, S.A. Yesenin.